

Явление в искусстве, именуемое Рихтер, вечно. Но человека, которого звали Святослав Теофилович Рихтер, который жил, печалился и радовался, и каждый день играл на рояле, больше нет. Мы никогда не увидим, как он выходит на концертную эстраду. Не услышим живое звучание его инструмента. И уже не сможем сказать о себе: мы современники Рихтера, только — мы были его современниками. Тем труднее смириться с утратой, тем сильнее печаль и тем более значительными мы кажемся самим себе в минуту прощания. Четвертого августа тело великого музыканта было предано земле на Новодевичьем кладбище.

фото В. АХЛОМОВА

Без Рихтера

ЮРИЙ БАШМЕТ:

Мы все у него в неоплатном долгу

Зато, что Святослав Рихтер сделал для истории нашего века, для нас, ныне живущих, и следующих поколений, мы перед ним в огромном, неоплатном долгу.

Нет слов, способных выразить горе. Разве что музыка могла бы — музыка, ради которой он жил и которой поклонялся. Рихтер всегда был, есть и будет маяком для всех поколений музыкантов.

Много секретов существует в его творчестве. Никто не знает, откуда бралась его титаническая работоспособность, как смог он еще в детстве, не получив школы, "наработать" феноменальную виртуозность. А его поразительная музыкальная память!

Мы с ним много гастролировали вдвоем, ездили по Европе. Как мне показалось, одна из особенностей рихтеровской "кухни" — его "спокойное" отношение к самому роялю, как это ни парадоксально звучит. Он был как-то выше этого, что ли. Его мастерство как бы уже не зависело от качества инструмента.

Однажды на гастролях я удивился, что он совершенно не оставляет времени на то, чтобы проверить рояль. И когда за несколько минут до выступления посоветовал ему попробовать хоть одну нотку, маэстро, не говоря ни слова, вышел на сцену, зацепил одну клавишу и, не останавливаясь, столь же спокойно вернулся в артистическую.

Зато это его свойство давало ему возможность "беспрепятственно" выезжать в самые дальние точки Сибири, Казахстана, Дальнего Востока, Средней Азии... Он мирился с любыми инструментами, лишь бы доставить людям радость.

Когда у меня умерла мама, я очень часто сопоставлял какие-то свои поступки с тем, как она могла бы их оценить. Мысленно входил в контакт с человеком, которого ты любишь и который любил тебя, оказалось несложно. Схожие ощущения у меня и

сейчас по отношению к Рихтеру. Они возникали и раньше, еще при жизни маэстро, потому что последние годы я не так часто мог с ним общаться. Хотя мы даже сделали совместные записи — это самые ценные реликвии для меня. А так — я мысленно обращался к нему за помощью, за советом. И, казалось мне, всегда их получал.

Когда в день смерти маэстро мы с моим ансамблем сыграли в Патриарших палатах Кремля программу, которую посвятили его памяти, первой мыслью было "А как бы оценил ее Рихтер?..."

Ощущение такое, что все рухнуло. Я в последнее время часто думал: не дай Бог, будет война, что после нее останется? Или — близится новый век, и с уходом старого перечеркнется целая эпоха. А фактически это сейчас и произошло: кончина Святослава Рихтера — не только потеря Художника века, это уход целой эпохи.

Я встречался со Святославом Теофиловичем почти сразу после его возвращения в Москву. На даче, на Николиной горе. Меня порадовало, что он начал заниматься. Выглядел слабеньким, но бодрым, а на следующий день мы на машине объездили несколько храмов неподалеку от Николиной горы. Он всем интересовался, много расспрашивал и много рассказывал. Радовался возвращению в Москву — ему очень понравилось, как его встретили. Мы прощались с тем, чтобы встретиться в августе, и он даже дал согласие участвовать в моем фестивале. Живым я его больше не застал. Сразу, как узнал, помчался к Нине Львовне Дорлиак — его ангелу-хранителю на протяжении всей жизни.

Его самого увидел спокойного, красивого, как будто спящего. Может быть, так оно и есть: он успокоился и спит. Последнее слово его было — "устал".

Святослав Теофилович РИХТЕР

Российская культура понесла невосполнимую утрату — скончался Святослав Теофилович Рихтер.

Великий русский артист, гениальный музыкант, человек удивительной судьбы, художник могучего светоносного дара, Святослав Рихтер прожил творчески счастливые 82 года. Более полувека его имя звучало в мировом культурном пространстве как музыка истины, как высокая правда о вечной жизни человеческого духа, как символ художественного совершенства.

Искусство Рихтера — абсолютная величина. Его вдохновение и магический дар перевоплощения всякий раз вызывали к жизни музыку первозданную и с потрясающей силой внушения являли нам творцов ее.

Он слышал и любил всю музыку мира в ее живом, непосредственном историческом течении — вне школ, времен и национальных границ. Русский гений, органически причастный к великой европейской культуре, Святослав Рихтер качественно обогатил ее своей преображающей художественной волей, своим божественным даром, неповторимой душой.

Рихтер объехал с концертами всю Россию, много и подолгу гастролировал во всех концах мира. И всегда возвращался домой, в Москву. Так было и сейчас.

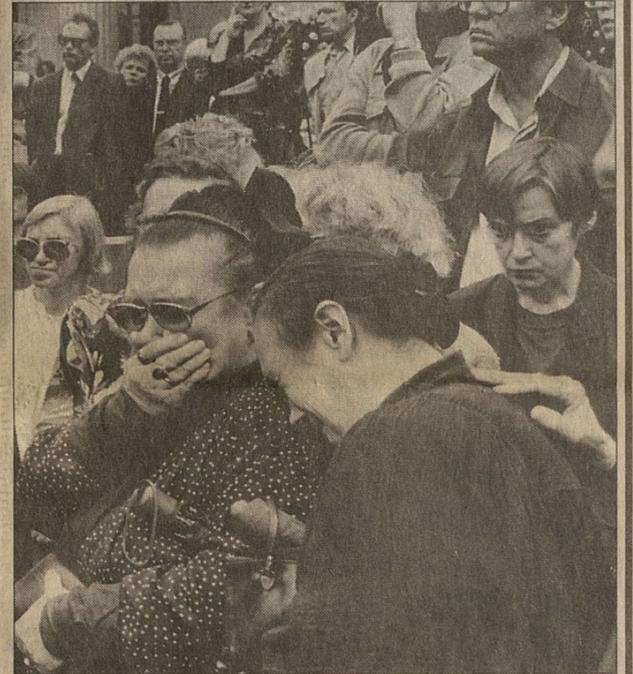
Истинно гениальный художник, он любил людей, и люди любили Святослава Рихтера и его несравненное искусство, которому многие обязаны сокровенными минутами счастья и просветления.

Как выдающийся мастер и великий гражданин своей страны Святослав Рихтер был отмечен многими почетными званиями, государственными наградами и премиями. По случаю 80-летия в 1995 году музыкант был награжден высшим орденом Российской Федерации "За заслуги перед Отечеством".

Недосгаемая высота, человеческая открытость и доступность феноменального искусства Святослава Рихтера сделали его творчество общенациональным достоянием России, а его образ близким и дорогим для миллионов людей.

Мы прощаемся со Святославом Теофиловичем Рихтером. Мир остается с его музыкой.

В.С.Черномырдин, Е.С.Строев, Г.Н.Селезнев, В.Б.Юмашев, Ю.М.Лужков, Б.Е.Немцов, А.Б.Чубайс, О.Н.Сысуев, Е.Ю.Сидоров, И.А.Антонова, И.К.Архипова, В.Д.Ашкенази, Ю.А.Башмет, В.В.Васильев, Э.К.Вирсаладзе, А.А.Вознесенский, В.А.Гергиев, Н.Г.Гутман, З.А.Долуханова, О.Н.Ефремов, Н.Д.Журавлева, А.А.Золотов, В.И.Казенин, В.В.Крайнев, О.В.Лепешинская, Н.Л.Луганский, М.Г.Нейгауз, Н.А.Петров, С.С.Пилявская, Г.А.Писаренко, Б.А.Покровский, Ю.П.Прибегин, Г.Н.Рождественский, М.Л.Ростропович, Е.Ф.Светланов, Г.В.Свиридов, Ю.Х.Темирганов, В.В.Третьяков, Г.С.Уланова, К.А.Щербаков, И.А.Шостакович.

ИРИНА АНТОНОВА:

Я иногда робела перед ним

Я часто ходила на его концерты в консерваторию. Много слушала его в разных клубах. Он любил играть в клубах, музыкальных школах, музеях. Думаю, ему важно было встречаться с разной публикой. На мой взгляд, мы недооценили его просветительский дар. Не знаю, каков механизм этого явления, однако совершенно очевидно, что он обладал поразительным умением привлекать внимание к исполняемой музыке — не к себе, а именно к музыке. И воздействие этого магнетизма испытывали не только профессионалы, но и самые неискушенные слушатели.

— При этом круг его интересов совсем не исчерпывался одной только музыкой...

— Безусловно. Святослав Теофилович очень любил литературу. Любил кино. Как-то прислал мне открытку, в которой сообщил, что за месяц посмотрел — что-то такое — 52-55 фильмов. А однажды попросил меня помочь организовать просмотр "Бесприданницы" — он обожал этот фильм и очень хотел показать своему другу, приехавшему из-за границы.

— А его увлечение изобразительным искусством, благодаря которому родился ваш общий фестиваль — знаменитые "Декабрьские вечера", выставки у него дома...

— Дома он выставлял картины своих друзей. Например, Дмитрия Краснопевцева, которого очень любил. И очень ценил — за его знания и избранную жизненную позицию, совпадавшую с его собственной. Обоих отличала необыкновенная внутренняя свобода.

У Святослава Теофиловича не было никаких предрассудков в искусстве — этот мир был открыт ему весь, целиком. Как ему была открыта вся музыка. В музее он никогда не смотрел всю выставку целиком, только пять-шесть вещей — и уходил. Ему нужно было как-то их "пережить" в себе. Меня потрясла глубинная безошибочность его вкуса. Умение выбрать настоящее. Мы часто говорили о том, какая картина лучшая на той или иной выставке. "Вот эта", — показывал он. Я думала: нет, эта слабовата, другая. Но проходило какое-то время, и мне становилось ясно, что прав он, а не я.

— Какая судьба теперь ожидает "Декабрьские вечера"?

— Разумеется, они будут жить. Мечтаю о сотрудничестве с великолепными музыкантами и очень близкими Святославу Теофиловичу людьми — Натальей Гутман, Элисо Вирсаладзе, Юрием Башметом.

Темы двух следующих фестивалей мы со Святославом Теофиловичем уже определили. В этом году на "Декабрьских вечерах" прозвучат Шуберт, Брамс, Мендельсон. И будет представлена немецкая и австрийская живопись XIX века из собраний немецких музеев. А в будущем году героем "Декабрьских вечеров" станет "Евгений Онегин" — как "энциклопедия русской жизни". Будет исполняться музыка, которую исполнили в салонах пушкинской эпохи. Разумеется, отдадим дань и "Евгению Онегину" Чайковского. Свой спектакль покажет у нас Евгений Колобов. Хочу пригласить театр "Телиони", предло-

жила участвовать Мстиславу Ростроповичу.

— Он был хорошим другом?

— Да. Я иногда робела перед ним. Но он сам помогал мне преодолеть эту робость. Он был очень проницателен, прекрасно чувствовал настроение людей. Всегда помогал разговаривать тем, кто стеснялся. Был очень радушным хозяином. В доме у него всем всегда было тепло. Очень любил устраивать вечера — не только выставки и домашние концерты. Устраивал настоящие балы.

— Прощание с Рихтером проходило в вашем музее. Так пожелала его семья?

— Да, его близкие. Его безраздельно преданная ему супруга Нина Львовна Дорлиак. Наш музей действительно в какой-то степени был его домом. Кроме того, я считаю, что портал Фрейбургского собора, скульптуры Микеланджело, Донателло — это достойное Рихтера "обрамление", соответствующее мощи его гения.

— Там, в Итальянском дворике, еще был установлен рояль с открытой клавиатурой, и на клавишах лежала белая роза. На этом рояле играл Рихтер?

— Этот рояль, специально изготовленный для него фирмой "Ямаха", не смогли поднять к нему на 16-й этаж, и Святослав Теофилович решил подарить его музею. Он играл на нем, и ему очень нравилось звучание этого инструмента. Белую розу мы положили потому, что Святослав Теофилович любил розы, и именно белые. Я часто дарила ему их после концертов. Теперь наш музей подарил ему не букет белых роз, а веночек, сделанный из них. Но во время прощания звучала его великая музыка, Рахманинов, Скрябин, его бесподобный Дебюсси... Его голос. Он увеличивал скорбь и приносил утешение.

Беседа велa Наталья ШАДРИНА

фото А. В. РОБЕВА